

СЕМАНТИКО – ГРАММАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОСЛОЖНЕНИЯ

Осложнение, как явление грамматическое, возникает тогда, когда между названиями различных ситуаций, событий, фактов складываются отношения дополнительной предикативности, которые имеют свои формально-синтаксические средства выражения. Обратимся к одной из групп осложненных предложений: (1) Они (облака) торжественно покоились в небе, будя воображение, маня в свою недостижимую высь, создавая особенное настроение (В. Солоухин). (2) Я, почти парализованный страхом, заметил нашу старую пегую кошку, пристроившуюся у ног матери (П. Проскурин). (3) Через две минуты злая вьюга, сухая и колючая, хлестнула меня по щекам (М. Булгаков). (4) И Леонов, как патриот, как сын своей многотрудной земли, не находит возможности молчать (П. Проскурин).

Перед нами предложения, традиционно квалифицируемые как осложненные конструкции с обособленными обстоятельствами, выраженными деепричастными оборотами (1); обособленными определениями, выраженными причастными оборотами, одиночными прилагательными (3); с обособленным приложением (4). Почему в подобных случаях смысловое осложнение (подчеркнуты непредикативные номинации ситуаций) ощутимо отразилось на формальной структуре предложений, о чем свидетельствуют обособленные конструкции?

Ответ следует искать в характере взаимодействия ситуаций, отраженных в одном предложении. Проанализируем предложение (1). В нем содержатся номинации четырех событий: *Облака покоились в небе; Они будили воображение; Они манили в свою высь; Они создавали особенное настроение.* В представленном перечне все события равноценны, и мы передали их в форме четырех предложений. Для автора, В. Солоухина, одно событие «предмет и его состояние» (*Облака торжественно покоились в небе*) является основным, а три других – дополнительными; поэтому они названы не предложениями, а сочетаниями слов с главным словом глагольной семантики – деепричастием. Но у всех событий, объединенных в рассматриваемом предложении, есть общее: носитель состояния (*покоились*) и производитель действия (*будили, манили, создавали настроение*) – один и тот же предмет (*облака*).

Непредикативно отраженные ситуации сохраняют относительную самостоятельность и не поглощаются ситуацией, предикативно выраженной, так как не являются ее элементами, а имеют с ней только общую смысловую область.

Благодаря дополнительным ситуациям, которые привлечены для описания ситуации основной, общая картина получается более полной и рельефной. Однако их присутствие совсем не обязательно: фрагмент действительности (*Облака торжественно покоились в небе*) может быть отражен и без номинаций дополнительных ситуаций, что приведет к смысловым потерям, но не разрушит предложение как синтаксическую единицу, переводя его в разряд элементарных, несложных, предложений.

В предложении (2) объединяются три такие ситуации: *Я почти парализован страхом; Я заметил нашу старую пегую кошку; Кошка пристроилась у ног матери.* Из них автор делает основной ситуацией *Я заметил нашу старую пегую кошку*, две другие становятся дополнительными. Их номинации автор использует для того, чтобы полнее охарактеризовать участников основной ситуации; отсюда выбор способов номинации дополнительных ситуаций – причастный оборот. Занимая в структуре предложения позицию после определяемого слова, он обозначает дополнительное сказуемое, участвуя в реализации полупредикативных отношений, которые поддерживаются синтаксически: порядком слов, интонацией обособления, логическим ударением.

В предложениях (3), (4) отражаются по три ситуации:

(3): *Через минуту злая вьюга хлестнула меня по щекам. Вьюга сухая. Вьюга колючая.*

(4): Леонов не находит возможности молчать. Леонов – патриот. Леонов – сын своей многотрудной земли.

Характер взаимодействия ситуаций отличается только тем, что здесь непредикативные номинации характеризуют один и тот же предмет.

Разные способы номинации ситуаций – мощный инструмент в руках создающего высказывание. С помощью такого инструмента крупным планом подается основная ситуация, название которой осуществляется предикативной единицей, остальные ситуации отодвигаются на второй план. В зависимости от того, какие элементы основной ситуации детализируются, избирается тот или иной непредикативный способ номинации дополнительной ситуации: деепричастие, одиночное или с зависимыми словами (при дополнительной характеристике основного действия предмета речи); причастие, прилагательное, существительное с качественно-характеризующим значением, одиночные или с зависимыми словами (при дополнительной характеристике участников основной ситуации).

Все предложения рассмотренной группы объединяет дополнительная предикативность. Различают прямую и косвенную дополнительную предикативность. «Прямая – дана в грамматических формах и вербализована: в предложении есть словоформа – носитель функции дополнительной предикативности (ее можно назвать дополнительным сказуемым). Косвенная – не заключена в словоформе, а обнаруживается в косвенных показателях...». Средством реализации прямой дополнительной предикативности является полупредикативность. Полупредикативность – это «синтаксическое отношение между интонационно обособленным именем и его определяемым – субстантивным членом предложения»¹, например: *Человек необыкновенно гордый и строгий. Бунин до конца своих дней тяжело страдал по России...* (К. Паустовский). *Сказка – пока еще туманная – родилась* (К. Паустовский). *Весь дом, охваченный непогодой, словно тонул в безбрежной метели* (П. Проскурин).

С точки зрения значения, полупредикативность – это субъектно-предикатное отношение, когда предмет характеризуется со стороны его качеств, свойств, принадлежности к тому или иному роду и т. д. Полупредикативное отношение объединяет в себе два типа отношений – атрибутивное и предикативное, но не может быть сведено ни к тому, ни к другому. Во-первых, полупредикативное отношение не выражается предикативной единицей, что препятствует отождествлению полупредикативных и предикативных отношений. Во-вторых, связь между предметом и его признаком при выражении полупредикативного отношения устанавливается говорящим в акте коммуникации, в то время как при выражении атрибутивных отношений она принимается говорящим как данное. Поэтому атрибутивное отношение реализуется в словосочетании, в котором происходит объединение предмета и его признака, благодаря чему образуется сложная номинация предмета; при реализации полупредикативного отношения такого объединения не происходит. Иными словами, «...атрибут выступает как часть целостной номинации, а полупредикативный член обладает свойством отдельности, отчлененности от своего определяемого»². Данное свойство – то общее, что сближает полупредикативное отношение с предикативным: признак приписывается предмету в акте речи, не образуя сложной номинации, а характеризует предмет в тот или иной промежуток времени.

Полупредикативность реализуется в полупредикативном члене, который называют дополнительным сказуемым (а традиционно – обособленным приложением, обособленным определением). В доказательство специфичности полупредикативного члена приводят тот факт, что в состав его могут входить слова и словоформы с временным значением (или условным), которые не являются присловными распространителями, так как не образуют словосочетания с прилагательным, а называют время и/или условие проявления полупредикативного признака: *Время, в детстве бесконечное, неисчерпаемое, теперь мчалось все быстрее* (П. Проскурин). *Молнии полыхали за рекой, уже обессиленные и тихие* (К. Паустовский). Кроме того, полупредикативный член может занимать любую позицию по отношению к определяемому слову, сочетаться как с нарицательными существительными, так и с собственными и даже с местоимениями, подключаться к субстантивному члену независимо от степени его распространенности, иметь любой состав, т. е. быть нераспространенным и распространенным.

Можно ли деепричастный оборот квалифицировать как полупредикативный член предложения? Деепричастием (чаще не одиночным, а с зависимыми словами) дается дополнительная процессуальная характеристика субъекта: *Всякий раз, разворачивая тетрадь с началом рассказа, я долгое время не мог написать ни строчки* (П. Проскурин).

Субъект, являющийся предметом речи в данном предложении, совершает два действия: одно основное (не мог написать) и одно добавочное (разворачивая). Аранжировка действий зависит от говорящего: *Я вскочил, поспешно оделся и вышел на крыльцо* (К. Паустовский). – *Я, вскочив, поспешно оделся и вышел на крыльцо и Я, вскочив и поспешно одевшись, вышел на крыльцо.*

Деепричастие, одиночное или с зависимыми словами, является аналогом глагольного сказуемого, причем, в отличие от полупредикативного члена, не может занять данной позиции, не претерпев соответствующих морфологических изменений. Ср.: *Протока, под вечер солнечная, успокаивала* (П. Проскурин) – *Протока под вечер солнечная. Она успокаивала*; и *Ведь истина убеждает уже фактом своего явления, не требуя никаких украшений* (П. Проскурин) – *Ведь истина убеждает уже фактом своего явления. Она не требует никаких украшений*.

И все-таки у полупредикативного члена, который более свободно включается в предложение (может называть полупредикативный признак слова с предметным значением, занимающего любую синтаксическую позицию), чем дееспричастный оборот (называет процессуальный признак подлежащего или во всяком случае субъекта), и все-таки у полупредикативного члена и дееспричастного оборота есть общая функция. Они выступают в качестве добавочного сказуемого. Данная функция и позволяет многим исследователям дееспричастие (одиночное или в составе оборота) квалифицировать как полупредикативный член, что особенно целесообразно в учебных целях.

Итак, что мы будем понимать под полупредикативным членом? Полупредикативный—это второстепенный член предложения, который обозначает дополнительную по отношению к сказуемому характеристику предмета речи.

Полупредикативный член предложения отвечает на вопросы определения или обстоятельства:

какая?

1. Улыбка, слегка было показавшаяся на его лице, вдруг пропала (Г.).

как?

2. Стараясь не шуметь, я на цыпочках прошел в свою комнату (Л. Т.).

Многие полупредикативные члены предложения совмещают определительное и обстоятельственное значения:

какой?

почему?

Легкий сумрак эрмитажных залов, тронутый темной позолотой, казался мне священным (К. Паустовский).

Полупредикативный член предложения выражается деепричастием, причастием, прилагательным, существительным, одиночными или в составе оборота: 1. *За окнами дрожали, погасая, редкие и жалкие огни деревень* (К. Пауст.). 2. *Тучи, низко затягивающие небо, раздвинулись* (П. Прокурин). 3. *Диск луны, огромный, кроваво-красный, поднимался за деревьями парка* (М. Г.). 4. *Чем не блещит эта улица—красавица нашей столицы!* (Г.)

Полупредикативный член предложения содержит дополнительное сообщение о предмете мысли, которое произносится с интонацией обособления и собственным логическим ударением (в устной речи) и выделяется знаками препинания (запятые, реже – скобками и тире в письменной). Сравните предложения: 1. *Лестница воздушная.* 2. *Воздушная лестница ... неслась вверх (Г.).* 3. *Лестница, воздушная, неслась вверх.*

В 1-м предложении сообщается о реальном признаке предмета, проявляющемся в настоящем. Перед нами предикативные отношения, которые выражаются словоформами в роли главных членов предложения. В нем одно сообщение: *Лёстница* | *воздушная*.

Во 2-м предложении между словоформами в словосочетании *воздушная лестница* определительные отношения: определение более точно называет предмет, ограничивая его от других предметов того же класса. Определение

и определяемое произносятся без паузы, называя одно понятие. В предложении одно сообщение: *Воздушная лестница | неслась вверх*.

В 3-м предложении между словоформами *лестница* и *воздушная* полупредикативные отношения: реальный признак *воздушная* приписывается предмету мысли наряду с основным признаком (*неслась*) и совпадает с ним по времени проявления. В предложении сообщается о двух признаках предмета мысли, приписываемых ему в речи: основном (*неслась*) и дополнительном (*воздушная*). Дополнительный признак необходимо выделить, чтобы не затруднялось восприятие основного признака предмета мысли, что и осуществляется интонационными средствами в устной речи и графическими – в письменной: *Лестница, | воздушная, | неслась вверх*.

В таком предложении два сообщения (*Лестница неслась вверх. Она была воздушная*), следовательно, два логических ударения.

Назначение полупредикативного члена – более полно характеризовать предмет мысли, что увеличивает объем информации, заключенной в простом по структуре предложении.

¹ Прияткина А. Ф. Русский язык: Синтаксис осложненного предложения. М., 1990. С. 21.

² Там же. С. 22.

С. М. ПРОХОРОВА

К ПРОБЛЕМЕ ЯЗЫКОВОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ

Концепция лингвистической непрерывности имеет длительную историю, ее истоки восходят к концу 50-х годов XIX столетия и связываются с именем швейцарского ученого А. Пикте (1799 – 1875). Наиболее глубокое выражение эта концепция получила в теории волн (Г. Шухардт, И. Шмидт). Вышедшая в 1872 г. в Веймаре работа И. Шмидта «Взаимоотношения родства индоевропейских языков» оказала огромное влияние на развитие лингвистики. И. Шмидт сделал открытие о том, что каждый отдельный индоевропейский язык можно рассматривать по отношению друг к другу как переходный язык и что все индоевропейские языки связаны между собой сетью переходных явлений. Он сделал вывод, что географически ближе расположенные друг к другу языки больше имеют между собой сходства, чем языки, более далеко отстоящие, что существует постепенный переход от индийских языков через иранские к славянским и от последних к литовским (балтийским). И. Шмидт выделил славяно-латышский язык, который, как он полагал, не мог оторваться ни от немецкого, ни от арийского, а представляет органическое переходное звено от одного к другому.

А. И. Соболевский утверждал, что теорию волн можно применить к белорусским говорам. По мнению А. И. Соболевского, белорусские говоры своеобразны и поэтому представляют огромный интерес для лингвиста. Сравнивая говоры московский, вяземский, смоленский и оршанский, Соболевский писал: «Границы – в обыкновенном смысле – нет; между наиболее западным вполне великорусским говором и наиболее восточным говором, вполне белорусским, переливается из одного в другой длинный ряд промежуточных говоров, которые нельзя назвать ни великорусскими, так как в них есть белорусские особенности, ни белорусскими, так как они не свободны от великорусских особенностей»¹. Это уже наметки теории переходных говоров в русской лингвистике.

Теория переходных говоров обоснована составителями первой диалектологической карты (Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколовым, Д. Н. Ушаковым), но в общих чертах она разрабатывалась А. А. Шахматовым, А. И. Соболевским и другими учеными. Составители первой диалектологической карты считали, что «переходный говор представляет собою третий, новый тип говора по сравнению с теми двумя, из которых он образовался»². Исследователи четко разграничивали смешанные и переходные говоры.

В конце XIX в., во время зарождения лингвистической географии, обнаружили факты несовпадения границы отдельных языковых явлений, что привело к тому, что Г. Шухардт, П. Мейер, Г. Парис, Ж. Жильерон и др. представители романской диалектологической школы отрицали суще-